

Рис. 1. Латинская надпись из Мадаин Салих (датируется 175–177 гг д. н. э.), возвещающая восстановление во славу «Марка Аврелия Антонина Августа, великого победителя армян, парфян, мидийцев, германцев и сарматов» стены ал-Хиджра (Хегры). Ответственность за работу, как и ее оплата была возложена на 'Амра б. Хайана, правителя Хегры. Ал-Хиджр (Хегра), область и город в Северном Хиджазе, был одним из мест расселения самудян, упомянутых в Коране. Они строили дворцы в плодородных долинах, высекали себе дома в скалах (7:74), но отклонились от «правильного пути», «полюбили слепоту» (41:17), возгордились, отвергли посланного к ним пророка Салиха, за что и были наказаны.

Глава VIII

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОРАНИСТИКИ

1. *Хвала Аллаху, который миров Господин,*
2. *Милостивый, милосердный он один*
3. *Дня страшного суда Властелин,*
4. *Тебе мы поклоняемся. Помощь дается нам
Тобою одним.*
5. *Веди нас по пути тех, кто Тобою водим,*
6. *По пути тех, на кого простерлась
милость Твоя,*
7. *На кого Ты не гневаешься, кто не знает
заблуждения кручин.*

Перевод В. А. Эбермана (1920)

Этот, возможно, лучший перевод «ал-Фатихи» на русский язык принадлежит Василию Александровичу Эберману (1899–1937), необычайно талантливому арабисту и иранисту, выпускнику Пажеского корпуса и факультета восточных языков Петроградского университета. Он был мастером поэтического перевода и как никто другой умел воспроизводить размер и необычную для русского уха звуковую инструментовку подлинника. В конце 1920-х годов Эберман был одним из наиболее активных участников знаменитого Кружка арабистов им. барона В. Р. Розена, созданного И. Ю. Крачковским и регулярно заседавшего в его квартире. Дважды был арестован (1930 и 1934 гг.) и дважды освобожден, трагически погиб, утонув в реке. На протяжении всей своей жизни Василий Эберман «был глубоко верующим человеком: рассказывали, что у него над столом в институте всегда

висела икона, а в лагере его наказывали за то, что он прятал под подушкой Евангелие»¹.

Одно из ключевых слов в первой *суре* Корана — *صراط* (*сират* — «путь»). Оно не имеет множественного числа и восходит к одному источнику, что и английское *street* (ср. русск. *автострада*). Слово *сират* зафиксировано еще в доисламской поэзии. Из латинского (*strāta*) оно вошло в греческий (*στράτα*) и во многом, благодаря римской администрации в Сирии — в арамейский (ܣܪܬܐ), сирийский (ܣܪܬܐ) и, наконец, арабский. Римская империя создала удивительную сеть стратегических дорог, которыми продолжали пользоваться по меньшей мере около тысячелетия, а в некоторых случаях пользуются и по сей день. Дорога создавалась многослойной, ее основу составляли большие необработанные каменные блоки. Во время расцвета империи общая протяженность римских дорог составляла, по разным оценкам, от 85 до 300 тыс. км! Латинские надписи обнаружены не только на севере Аравии (рис. 1), но и на ее юге: одна из таких надписей была недавно найдена на одном из островов в Красном море у берегов Саудовской Аравии.

Характерной чертой великих римских дорог являлось то, что они строились в прямом направлении на максимально возможную длину (ср. *ас-сират ал-мустахим*).

«Выбери себе спутника до того, как выйдешь в путь» и «кто дает жизнь уму и знанию — тот не умирает», — гласят арабские пословицы. Лучше не скажешь.

* * *

Если попытаться свести воедино и проанализировать заявленные цели множества направлений современной коранистики, то в конечном итоге все сводится к двум важнейшим задачам:

¹ Подробнее см. в замечательной книге, которую подготовили ведущий российский индолог, сотрудник Петербургской Кунсткамеры Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. Библиографический словарь репрессированных востоковедов «Люди и судьбы» содержит сведения о 750 ученых и более 200 фотографий. Имеется on-line версия книги: <http://memory.pvost.org/pages/index2.html>.

— восстановить раннюю историю формирования коранического текста (условно говоря, от времени Пророка и до X в.)

— максимально приблизиться к пониманию текста и представить его научному сообществу и читателю посредством научного комментированного перевода на основные языки.

Основа решения первой задачи — выявление, изучение и публикация древнейших списков Корана. Вспомогательное значение имеет изучение комплекса арабоязычных письменных источников, так или иначе сопровождавших процесс формирования коранического текста и комментировавших его.

Вторая задача, которую условно можно назвать «к новому прочтению и пониманию текста Корана», объединяет сразу несколько направлений:

— реконструкция коранических понятий и представлений с использованием методики сравнительного контекстового и диахронного анализа лексико-семантических групп языка Корана и доисламской словесности, проекты по древнеаравийской диалектологии;

— кораническая этнография и кораническая археология (окружающий мир и повседневность жителей Внутренней Аравии рубежа VI—VII вв.), проекты по изучению истории и культуры древней и раннесредневековой Аравии.

Всегда сохраняют актуальность изучение эволюции понимания и толкования Корана в связи с религиозно-политической историей арабо-мусульманского общества с помощью обращения к сочинениям круга *'илм ал-кур'ан ва-т-тафсир*, исследование бытования коранических сюжетов и образов в материальной культуре мусульманских стран, работы по темам «Коран и исламский ритуал» и «Звучащий Коран», проекты по изучению взаимопроникновения культур и роли Корана в этих процессах.

В рамках краткой заключительной главы нашей книги невозможно подробно остановиться на анализе всех указанных научных направлений, проанализировать достижения коллег и проанонсировать ожидаемые научные достижения. Это задача специальной и достаточно объемной монографии. Ниже мы постараемся остановиться на самом важном, на тех направлениях, где в самое ближайшее время можно ожидать прорывных результатов. Эта глава —

попытка самым кратким образом представить несколько научных проектов, *реализуемых в настоящее время*². Заинтересованный читатель сможет следить за их развитием on-line.

8.1. Древнейшие рукописи Корана и история сложения его текста

Как говорилось выше, вторая половина XX в. ознаменовалась как появлением разнонаправленных теорий «возникновения Корана» (Дж. Уонсборо³, Дж. Бартон), так и продолжением коллективной работы по изучению имеющихся источников. Материал, накопленный к концу XX в. и в Европе, и на мусульманском Востоке, в количественном отношении многократно превосходит уровень, достигнутый в середине прошлого века. Между тем нового качества, скачка в понимании ключевых проблем, связанных с историей текста и языком Корана, достигнуто не было. Сегодня именно этот уровень нашел свое отражение в важнейших коллективных работах, вышедших как на Западе («Энциклопедия Корана⁴»), так и на Востоке (энциклопедии коранических чтений, опубликованные в Кувейте и Каире).

Очевидно, что новый уровень в понимании ряда ключевых проблем коранистики будет достигнут в результате завершения работ

² Такая задача требует научного аппарата, более подробного, чем в предыдущих главах.

³ Несмотря на то что продолжающая тему скандальная книга К. Люксенберга (псевдоним), утверждающая, что Коран в начале VIII в. был «собран» из христианских сиро-арамейских текстов, для того чтобы обратить жителей Аравии в христианство (см.: Christoph Luxenberg. *Die syro-aramäische Lesart des Koran: Ein Beitrag zur Entschlüsselung der Koransprache* (Berlin, 2000), встретила развернутые возражения коллег (см., например: A. Neuwirth. "Qur'an and History — A Disputed Relationship. Some Reflections on Qur'anic History and History in the Qur'an", *Journal of Qur'anic Studies* V/I (2003), pp. 1–18), такой подход продолжает находить своих сторонников на Западе.

⁴ *Encyclopaedia of Qur'an*. 1st edition, ed. J. Dammen McAuliffe et al., 5 vols. plus index (Leiden, 2001–2006). Сегодня это наиболее полный свод информации о Коране и истории его изучения как на Востоке, так и на Западе. Предпринимаются попытки создания «мусульманского аналога» этого издания (главный критерий — исповедание ислама всеми участниками проекта).

по проектам, связанным с публикацией и изучением древнейших рукописей Корана, подобным тому, который начал, но не успел довести до конца Серджио Нойа Носеда. После его гибели исследовательский и издательский проект «Early Qur'ans. The Era of the Prophet, the Right Guided Caliphs and the Umayyades (Noseda Foundation, Italy)», посвященный вводу в научный оборот наиболее ранних рукописей Корана, продолжает международный редакционный комитет. В 2012 г. издательство «Brill» объявило о начале публикации серии «Documenta Coranica», которая станет продолжением проекта, задуманного проф. Серджио Нойа. В 1990-е годы во многом близкий проект был задуман и частично реализован в СССР, и лишь развал страны помешал его завершению⁵.

В 2007 г. мы отмечали 25-летие Советско-Йеменской комплексной экспедиции. С самого начала экспедиция была задумана как одна из крупнейших гуманитарных миссий Академии наук. Ученые разного профиля — археологи и специалисты по арабской культуре, этнографы и антропологи, эпиграфисты и геоморфологи, палеоботаники и лингвисты, специалисты по истории архитектуры и филологи, сотрудники крупнейших академических, музейных и университетских центров СССР — с 1982 г. в рамках экспедиции осуществляли грандиозную программу по комплексному изучению с древних времен и до наших дней Южного Йемена и прежде всего одной из важнейших историко-культурных областей Арабского Востока — Хадрамаута. Результаты исследований нашли отражение в целом ряде фундаментальных научных публикаций. Предметы, собранные во время экспедиционных выездов и найденные при раскопках, не раз экспонировались как в Йемене и России, так и в ряде крупнейших европейских музеев.

Длительное и регулярное пребывание в стране изучаемого языка и культуры создавало для отечественных специалистов беспрецедентные возможности не только по сбору и анализу уникального

⁵ См.: Е. А. Резван. «Коран 'Усмана»: Санкт-Петербург, Катта-Лангар, Бухара, Ташкент (Санкт-Петербург, 2004). Продолжение этой работы было реализовано Ф. Дерошем (см.: F. Déroche. *La Transmission Ecrite Du Coran Dans Le Debuts De L'Islam: Le Codex Parisino-petropolitanus (Texts and Studies on the Qur'an)* (Leiden — Boston, 2009).

полевого материала и ознакомлению с существовавшими здесь библиотечными, музейными и рукописными собраниями. Не менее важным было и то, что полученный в ходе этой работы материал мог быть привлечен для исследования и атрибуции отечественных музейных и рукописных коллекций. В этом направлении, в частности, работал А. Б. Халидов, активно привлекавший материал, полученный в ходе изучения йеменских собраний, к описанию и анализу ленинградских коллекций арабских рукописей. О важности этого направления мне не раз говорил и руководитель СОЙКЭ П. А. Грязневич.

Не все из задуманного тогда было осуществлено: распад СССР и драматические события на юге Аравии привели к резкому сокращению экспедиционной программы. Эстафету исследований СОЙКЭ продолжила Российская археологическая миссия в Республике Йемен. Наука не имеет границ, и сотрудники экспедиции активно участвуют в серии зарубежных проектов, связанных с изучением истории, культуры, этнографии Йемена. Часто в основе таких исследований лежат методики и опыт, приобретенные в ходе работы СОЙКЭ или специально разработанные для ее нужд.

Это в полной степени относится и к изучению серии древнейших рукописей Корана из отечественных и мировых собраний, полноценная атрибуция которых стала возможна лишь после обнаружения в 1965 и 1972 гг. в соборной мечети Сан'ы более чем сорока тысяч рукописных фрагментов (от двенадцати до пятнадцати тысяч на пергамене).

Значительная часть одной из древнейших и важнейших для науки рукописей Корана хранится в петербургском академическом собрании⁶. В те годы, когда обсуждались направления работы СОЙКЭ, возможность использования рукописей из Сан'ы для атрибуции этого списка рассматривалась чисто теоретически — Северный Йемен не входил в зону деятельности экспедиции, а описанием и исследованием коллекции Коранов из Сан'ы в режиме, не предусматривавшем доступа возможных научных и политических конкурентов, занималась тогда группа ученых из ФРГ. Важно, впрочем, что сам алгоритм подобной работы был намечен именно тогда.

⁶ Рукопись Е-20 Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

Основная проблема, на наш взгляд, заключается в отрыве изучения мусульманской традиции от описания и изучения собственно рукописей Корана. Это обстоятельство в значительной степени и породило методологический кризис коранистики на рубеже 1970–1980-х годов. Между тем значительный объем дошедших до нас коранических фрагментов содержит уникальную информацию о начальном периоде бытования Священного текста. Уже сегодня ясно, что именно эти рукописи содержат *подлинную* историю фиксации Корана, что мы и попытались показать, опубликовав специальное исследование, посвященное петербургской рукописи (вторая часть списка была найдена в Узбекистане в местечке Катта-Лангар). Основу сопоставительного материала, столь важного для изучения петербургского фрагмента, предоставили рукописи, обнаруженные в Сан‘е. Тем самым был реализован подход, выработанный в годы работы СОЙКЭ.

Объектом специального интереса автора долгое время являлись рукописи, называемые «Коранами ‘Усмана»⁷. Последнее время интерес к этим спискам заметно вырос. В 2006 и 2007 гг. эта тема активно обсуждалась в Каире во время беспрецедентных встреч европейских и египетских специалистов⁸. Два таких списка так или иначе связаны с судьбами ислама на территории Российской империи. Один из них долгое время хранился в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга (ниже «Самаркандский куфический Коран») (рис. 2), значительный фрагмент другого и сейчас является частью петербургской академической коллекции восточных рукописей (рис. 3). Это действительно древние списки, тщательное изучение которых несомненно важно для анализа истории фиксации текста Корана и раннего периода его бытования.

⁷ В нескольких городах — Ташкенте (библиотека Управления по делам мусульман Узбекистана), Каире (гробница святого ал-Хусайна), Стамбуле (Музей исламских памятников и Топкапы Сарай, шифр Н. S. 32) — хранятся копии так называемого «Усманова Корана», сохранившего якобы следы крови халифа ‘Усмана, павшего в своем доме от рук убийц-заговорщиков. Возможно, сюда следует отнести и одну из лондонских рукописей Корана, вывезенную в свое время из Индии (см.: М. Hamidulla. *Kuran-I Kerim Tarihi* (Erzurum, 1978), с. 30–32).

⁸ Sergio Noja Nosedá, “Uno dei cosiddetti ‘corani di ‘Utman’: quello nella Moschea Husayn al Cairo”, *Studi Berberi e Mediterranei*. Miscellanea offerta in onore di Luigi Serra (Studi Magrebini, Nuova Serie IV) (Napoli, 2006), с. 260–270.

Рис. 2. Копия «Самаркандского куфического Корана», опубликованная в 1905 г. в Санкт-Петербурге в качестве дипломатического подарка для мусульманских соседей России.

Эти рукописи принадлежат к числу древнейших. Аукционный дом «Christie» заказал оксфордской лаборатории радиоуглеродный анализ пергамента одного из листов, принадлежавших прежде «Самаркандскому куфическому Корану» (ныне хранится в Духовном управлении мусульман в Ташкенте)⁹. Согласно результатам этого анализа, с вероятностью 95 % фрагмент датируется промежутком между 595 и 855 гг. Палеографически рукопись также можно датировать рубежом VIII и IX вв. Очень близкие результаты получены и при радиоуглеродном анализе петербургской рукописи, проведенном в Голландии¹⁰.

Эти рукописи обычно повреждены не менее, чем те списки, которые постепенно выводились из оборота во II—III вв. *хиджры*. Однако их продолжали сохранять и использовать. Почему? Во-первых, на рубеже IX—X вв. были сохранены только те рукописи, которые целиком и полностью соответствовали канону, утвержденному к этому времени *иджмой*¹¹. Они были необходимы как свидетельство истинности канона. Во-вторых, со временем такие списки как священные реликвии стали символами верховной власти,

⁹ Лоты 225—225а, проданы 20.10.1992, Коран 22:6—12 и Коран 22:12—17. Лоты 29—30, проданы 19.10.93, Коран 15:62—74 и 4:2—5.

¹⁰ Е. А. Резван. «Коран 'Усмана», с. 72—73.

¹¹ Е. Rezvan, "Mingana Folios: When and Why", *Manuscripta Orientalia* XI/4 (2005), с. 5—9.

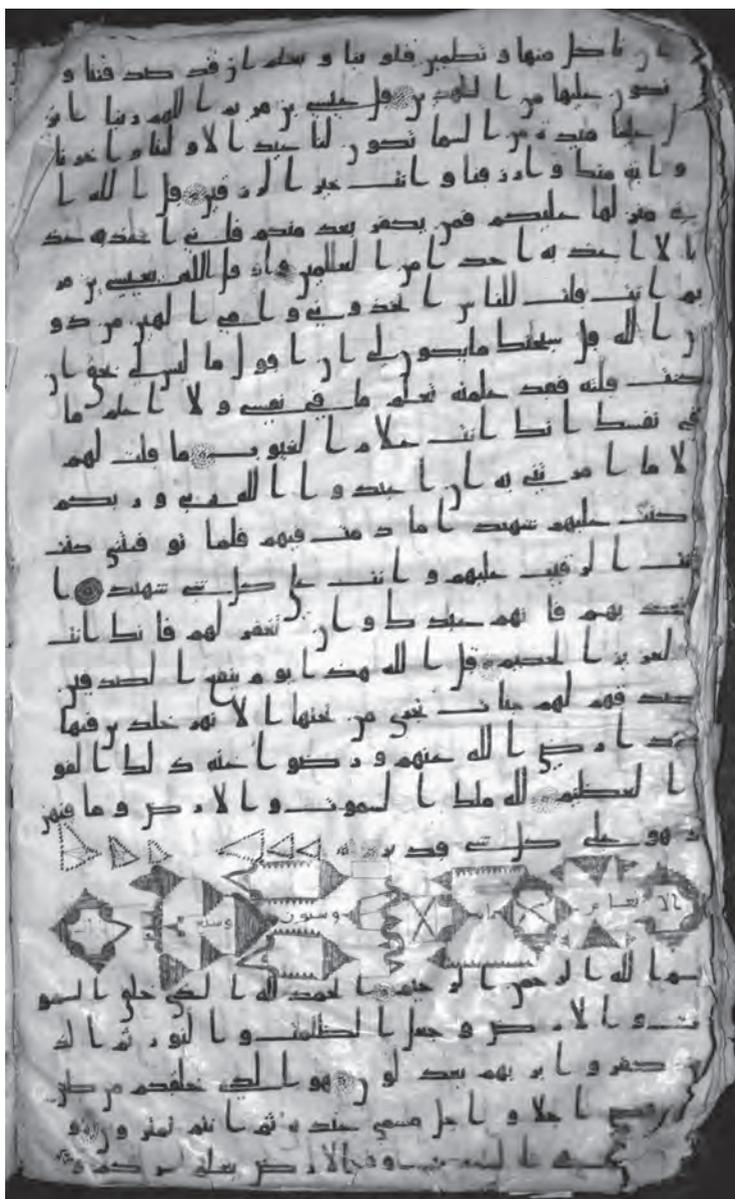

Рис. 3. Лист Корана из Катта-Лангара, принадлежащий к рукописи, фрагмент которой хранится в петербургской академической коллекции.

наподобие *хирки* Пророка. До нас дошло множество свидетельств такого отношения к древним спискам Корана.

Тщательный анализ петербургской рукописи «Корана ‘Усмана» показал, что она несет на себе следы нескольких этапов работы по унификации текста Корана. В этом отношении она является редким свидетельством и образцом того, как эта непростая проблема разрешалась на практике. Эта рукопись, как и «Самаркандский кувфический Коран», могут служить прекрасным примером того уровня унификации текста, который общине удалось достичь к концу VIII в. Зная о том, какие проблемы необходимо было преодолеть, нельзя не признать, что за сто пятьдесят — сто семьдесят лет, которые отделяют эти рукописи от даты смерти Пророка, была проделана огромная работа. На наш взгляд, такой уровень унификации текста мог быть достигнут лишь в том случае, если изначальная вариативность была не слишком велика.

Тщательный анализ мусульманского предания о сложении текста Корана с помощью метода *иснад-кум-матн*, проведенный Харальдом Мотзки, убедительно показал несостоятельность основных направлений западной критики важнейших элементов мусульманского предания, связанного с историей фиксации текста Корана. Согласно выводам Мотзки, главные версии этого предания восходят к последним десятилетиям I в. *хиджры*. Прошедшие со времени фиксируемых преданием событий 30—50 лет — необходимый и достаточный срок для перехода актуального знания в историческое¹².

Представляется, что обнаружение «под крышами древних мечетей» значительных фрагментов рукописей, восходящих именно к рубежу VIII—IX вв., далеко не случайно. По-видимому, именно в этот период активно выводились из обращения прежние списки, содержащие неприемлемый к тому времени уровень вариативности. В большинстве своем они попадали в специальные хранилища при крупных мечетях, где медленно истлевали. По нашему мнению, *массовый* вывод ранних списков относится не ко времени халифа ‘Усмана (тогда

¹² H. Motzki. “The Collection of the Qur’an: A Reconsideration of Western Views in Light of Recent Methodological Developments”, *Qur’anic Studies on the Eve of the 21st Century* (Indonesian-Netherlands Cooperation in Islamic Studies, 10–20 June, 1998, Leiden University), с. 1–27.

полных списков Корана были единицы), а именно к рубежу VIII—IX вв. Напротив, списки, созданные в это время и зафиксировавшие уже минимальную вариативность, сохранялись общиной на протяжении многих веков. Такой и была судьба двух «Коранов ‘Усмана».

Петербургская рукопись зафиксировала высшую точку развития одной из двух ранних традиций переписки Корана, генетически связанной с северо-западом Аравии и сирийским приграничьем. Далеко не случайно совпадение ‘аббасидского переворота 750 г. и последовавшей за ним утраты влияния старой сиро-джазирской элиты и постепенного вытеснения типа Священной книги, восходящего к сирийской традиции (вертикальный формат и почерк *хиджази*).

На сегодняшний день ясно одно: до середины, возможно, конца VIII в. параллельно развивались, претерпевая внутреннюю эволюцию и оказывая взаимовлияния, два типа переписки текста Корана, генетически связанные с двумя арабийскими культурными и политическими центрами, тяготевшими соответственно к Сирии и Месопотамии (вертикальный формат + почерк *хиджази* и горизонтальный формат + почерк *куфи*). Комбинация взаимосвязанных политических событий, культурных достижений и внутренних религиозных и социальных потребностей, связанных с самоидентификацией общины, привели к постепенному вытеснению «сирийской» традиции.

История революций XIX—XX вв. убедительно демонстрирует связь политических событий и, казалось бы, частных вопросов культуры. Достаточно вспомнить реформу русского правописания, предпринятую большевиками. Книги новой эпохи должны были выглядеть по-новому, наглядно свидетельствуя о глубине перемен в жизни общества. Несомненно, современникам событий, связанных с ‘аббасидской революцией, было понятно стремление новой элиты, тяготевшей к Месопотамии и Хорасану, запечатлеть результаты своей победы и в облике Священной книги, отказавшись от традиции, связанной с поверженными соперниками, и утвердив вариант, близкий месопотамскому культурному кругу. Победа ‘Аббасидов совпала с достижениями в унификации арабской грамматики, ростом мастерства каллиграфов и орнаменталистов. Созданные в IX в. рукописи *куфи*, переписанные монументальным и значительно более регулярным почерком с обязательным использованием диакритических

знаков и знаков вокализации, украшенные тщательно выписанными орнаментами с использованием золота, затылками разделителями *айатов*, и *аджза*, имеющие горизонтальный формат, сразу выделявший их среди других Писаний и книг, несомненно, должны были выигрывать в сравнении с внешне неказистыми списками *хиджази*. Всем своим видом они свидетельствовали о начале новой эпохи в жизни общины. Именно эти изменения, а также качественный скачок в уровне унификации текста коранических списков и фиксируют многочисленные источники.

Доктор Дэвид Джеймс (1941–2012) нашел материалы, подтверждающие, что рукопись, которую почитали как «Коран ‘Усмана», бережно хранилась в главной мечети Кордовы вплоть до середины XII в., когда она была вывезена в Марракеш. Он также обнаружил упоминание о другом «Коране ‘Усмана». Список, принадлежавший основателю Гранадского королевства Ибн ал-Ахмару, был отправлен им в качестве подарка алмохадскому *султану*. Известно, что кордовский список погиб, затонул в XIV в. вместе с кораблем, перевозившем его из Туниса в Марокко.

В 1243 г. египетский *султан* Байбарс отправил золотоордынскому *хану* Берке письмо о вступлении в подданство и подчинении (*ад-духул фи-л-илиййа ва-та‘а*)¹³. Вскоре египетские послы привезли в Орду подарки: почетные одежды, трон, инкрустированный черным деревом, слоновой костью и серебром, и «Коран ‘Усмана». Книга была переплетена в красный шитый золотом атлас и вложена в футляр из темно-красной кожи, подбитой шелком. Была прислана также подставка под Коран (*лаух*), инкрустированная, как и трон, черным деревом, слоновой костью и серебром. Нетрудно

¹³ В. Г. Тизенгаузен. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. I: Извлечения из персидских сочинений (Москва — Ленинград, 1941), с. 51 и сл., 60 и сл. См. также: А. Н. Поляк. «Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе», *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы* (Москва, 1964), с. 29–32). См. также: Ю. М. Кобищанов. «Империя Джучидов», *Очерки истории распространения исламской цивилизации*. II: Эпоха великих мусульманских империй и каирского аббасидского халифата (середина XIII–XVI в.) (Москва, 2002), с. 22.

заметить, что из Египта в Орду были присланы инсигнии. Удивительно, что в источниках, связанных с историей Золотой Орды, об этой реликвии и символе власти мы, кроме упомянутого сообщения, не находим практически ничего. Сегодня, однако, мы можем сказать, что история этой рукописи не завершилась с гибелью Золотой Орды. Факты показывают, что она сохраняла свой статус символа власти еще несколько веков. Ее история оказалась связана с именем Тимура и в дальнейшем с именами «духовных властителей» — знаменитых суфийских *шейхов*.

История «Самаркандского куфического Корана» изучена достаточно подробно, но лишь начиная с первых десятилетий XV в. Никто не написал ни одной достоверной строчки о том, что происходило с этим списком до указанного времени. Известно, что долгое время он был одной из важнейших реликвий братства накшбандиййа. Появление священного списка в Мавераннахре предание упорно связывает с именем Х^ваджи Ахрара (1404—1490), несомненно, одного из наиболее выдающихся духовных и политических лидеров этого региона эпохи тимуридов. *Шейх* при жизни пользовался огромным авторитетом. Он воспитывал тимуридских царевичей, состоял в дружеской переписке с Навои и Джами, наиболее выдающимися поэтами эпохи. Это был крупнейший политический деятель и обладатель одного из самых значительных состояний своего времени. С именем этого человека связана активная и целенаправленная политическая и экономическая деятельность братства накшбандиййа, рост его влияния не только в Мавераннахре, но и за его пределами. По преданию, именно он привез рукопись в Мавераннахр, где она стала почитаться как важнейшая святыня и играла существенную роль в повышении авторитета братства накшбандиййа, которое возглавлял Х^ваджа Ахрар. По местной легенде, рукопись Корана принадлежала некогда «халифу Рума». *Мурид* Х^ваджи Ахрара получил ее в качестве платы за то, что он благодаря *бараке* учителя смог чудесным образом исцелить халифа. Рукопись была доставлена учеником к Х^ваджи Ахрару, содержалась сначала в Ташкенте, а потом в Самарканде.

Известный русский востоковед А. Л. Кун, бывший непревзойденным авторитетом в вопросах, связанных с историей, культурой и рукописной традицией Центральной Азии, отмечал, что древняя рукопись

Корана, о которой идет речь, была доставлена в Мавераннахр Тимуром. В 1869 г. после приобретения рукописи русскими он имел возможность показать ее местному знатоку, некоему Йахийе Х^вадже. Тот заявил, что она — последнее, что осталось от рукописных сокровищ, доставленных в Самарканд по приказу Тимура. Рукопись, как украшение коллекции, была привезена в Самарканд самим Тимуром¹⁴.

Известно, что в апреле 1391 г. в битве на реке Кондурча Тимур наголову разбил ордынцев. Его воины вывезли фантастическую добычу, разграбив не только Сарай-Бату, столицу Орды, но и весь Нижневолжский регион¹⁵. Мусульманский символ власти вряд ли мог ускользнуть от внимания Тимура, который был исключительно внимателен к вещам такого рода. У нас есть все основания полагать, что Тимур доставил в Самарканд копию Корана, в свое время привезенную в Орду из Египта. Рукопись, олицетворявшая власть Бахридов над мамлюкским Египтом, власть правителей Орды и Тимуридов, была передана последними братству накшбандиййа. Это произошло в тот момент, когда влияние братства, во главе которого стоял Х^ваджа Ахрар, достигло своего апогея. В свою очередь Х^ваджа Ахрар не преминул использовать мусульманскую реликвию в деле повышения авторитета и влияния братства.

Итак, сегодня можно утверждать, что в Ташкенте хранится рукопись «Корана ‘Усмана», отправленная Байбарсом хану Берке, захваченная и увезенная Тимуром, выкупленная фон Кауфманом и переданная на хранение в Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге и, наконец, возвращенная Лениным мусульманам.

История второй рукописи (петербургского списка, о котором говорилось выше) стала известна только недавно. Начиная с рубежа XV—XVI вв. она находилась в руках представителей братства ‘ишкиййа. В те годы некогда безграничная власть Тимуридов все более ослабевала. В это же время все более укреплялось положение Мухаммада Шибани-хана (ум. 1510), готовившегося к завоеванию Мавераннахра. Шибанидам был нужен союзник, подобный Х^вадже

¹⁴ Б. В. Лунин. *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении* (Ташкент, 1965), с. 104.

¹⁵ Подробнее см.: М. Г. Сафаргалиев. *Распад Золотой Орды* (Саранск, 1960), с. 151–156.

Ахрару. Далеко не случайно, что Шибани-хан, захвативший Самарканд в 1500 г., конфисковал громадное состояние семьи Х^ваджи Ахрара и истребил его сыновей. В этот же период начинается резкий рост влияния и экономического могущества братства 'ишкиййа и его шейхов. Среди их муридов оказывается множество представителей тюркской родовой знати, растет и вовлеченность *ишкиййа* в политические события. Тогда же начинается возведение дорогостоящих архитектурных сооружений. Любопытно, что с падением Шибанидов сходит на нет и влияние *ишкиййа*, что только подтверждает связь первых и вторых.

Подробнее всего об этом интереснейшем периоде в истории Средней Азии писал русский историк А. А. Семенов, проанализировавший важнейшие источники по проблеме. В частности, он писал об ожесточенной борьбе между суфийскими братствами, которая была характерна для Мавераннахра этого периода¹⁶.

На рубеже XV—XVI вв. *шейхи* 'ишкиййа уходят подальше от Самарканда, вотчины Х^ваджи Ахрара, ближе к афганским пределам, с которыми у них существовала давняя связь. Очевидно, в это время должен был каким-то образом оформиться и союз с шибанидами. Шибани-хан лично знал эти места, неоднократно бывал там, позднее строил себе в Карши дворец.

В 1513 г. шибаниды, занявшие перед тем северный Хорасан и Балх, опустошали захваченные области. Султан 'Убайдулла переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан — через Амударью в свой удел жителей Балха, Шибиргана и Андхоя, района в северном Афганистане, где жили арабы. Документы показывают, что переселенцы нуждались в покровителе на новом месте, при этом существовало и понятие «плата за заботу» (*ихтимам*).

В предании о строительстве мечети в Катта-Лангаре, рассказанном мне ее имамом 'Абд ал-Джаббаром б. Ибрахимом, постоянно подчеркивается, что мечеть строилась коллективно, каждое из соседствующих с местом строительства племен отвечало за тот или иной аспект строительства: заготовку или подвоз стройматериалов, предоставление скота и приготовление пищи для нужд строителей

¹⁶ Подробнее см.: А. А. Семенов. *Шибани-хан и завоевание им империи Тимуридов* (Сталинабад, 1954), с. 81.

и т. п. Смыслом строительства мечети, начатого всего через несколько лет после переселения, было объединение мусульман независимо от их этнического происхождения, тем самым переселенцы интегрировались в местную среду.

Арабские переселенцы¹⁷ обратились за помощью к *шейхам* братства ‘ишкиййа, и священный список, как и другие реликвии, принесенные ими, стали «платой за заботу». Среди поднесенных ими предметов, возможно, были и другие примечательные предметы, которыми впоследствии гордилось братство ‘ишкиййа. Это *тасбих*, связка каменных бус-четок желтого цвета, якобы принадлежавших самому пророку Мухаммаду, *муй-и мубарак*, священный волос из бороды Мухаммада, и, наконец, *хирка* или *джанда-чапан*, тоже якобы принадлежавшая Мухаммаду¹⁸.

Влияние того или иного братства и его *шейхов* не в последнюю очередь определялось наличием священных реликвий, которые самим своим существованием должны были подтвердить предания, сопровождавшие историю *силсила*. Между тимуридами и шибанидами шла бескомпромиссная борьба. Союзником первых было братство накшбандийа, союзником вторых — ‘ишкиййа. Оба братства использовали священные списки в качестве своеобразного знамени. Обладание старинными списками становилось важным аргументом в политической борьбе, а их бережное сохранение — залогом успе-

¹⁷ Потомки этих людей продолжают жить на юге Узбекистана. В 2004–2005 гг. в Санкт-Петербурге и в 2006 г. в Тампере (Финляндия) Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой) РАН была организована выставка, посвященная их культуре и традициям (см. каталог выставки: Е. А. Резван. *Арабы Узбекистана: образы традиционной культуры* (Санкт-Петербург, 2004), а также веб-сайт выставки: <http://web1.kunstkamera.ru/jeunov/eng/index.htm>). В 2006 г. музей организовал экспедицию в кишлак Джинау, район компактного проживания арабского населения. В экспедиции приняли участие специалисты по материальной культуре, этнографии, физической антропологии, а также исламоведы. В 2007 г. в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН была обнаружена неопубликованная рукопись монографии блестящего этнографа-арабиста И. Н. Винникова (1897–1973), озаглавленная «Кашкадарьинские арабы: язык, фольклор, этнография». В настоящее время музей готовит ее к печати.

¹⁸ Подробнее о судьбе «хирки Пророка» см.: Е. А. Резван, «*Коран ‘Усмана*», с. 113–122.

ха. По нашему мнению, именно это обстоятельство и обеспечило сохранение ряда древнейших рукописей Корана.

Мы видели, что «Кораны 'Усмана» оставались символами власти на протяжении веков. Несомненно, символическое значение имел и увоз самаркандской реликвии в Санкт-Петербург. Этим подтверждалось перемещение в Россию верховной власти над Туркестаном. В столицу империи планировалось доставить и гигантскую каменную подставку (*лаух*), которая стояла во дворе мечети Биби Ханым и использовалась некогда как «пьедестал» под другой Коран-символ власти, изготовленный по распоряжению Тимура.

Как говорилось выше, копия «Самаркандского куфического Корана» была напечатана в Санкт-Петербурге в количестве пятидесяти экземпляров в качестве церемониального подарка России для мусульманских соседей империи — подарка, который подчеркивал власть «белого царя». Символическим жестом была и передача этой рукописи мусульманам в 1918 г., осуществленная по прямому указанию Ленина. Речь шла о передаче части власти в обмен на участие в «революционном проекте».

Наконец, накануне визита российского президента в Саудовскую Аравию (февраль 2007 г.) в России был изготовлен и преподнесен В. В. Путину Коран на тонких золотых пластинах стоимостью «несколько десятков миллионов рублей». На изготовление «книги», воспроизводящей петербургский список «Корана 'Усмана», ушло 14 килограммов золота 999 пробы (163 золотые страницы высотой около 14 см и шириной около 10 см, изготовленные на Монетном дворе России). На золоте была издана копия той рукописи, которая хранится ныне в Санкт-Петербурге, той, что передавалась некогда внутри братства 'ишкиййа. «Россия — великая держава с многомиллионным мусульманским населением, реликвии и традиции которого всемерно почитаются и уважаются», — таково символическое значение создания золотого Корана (рис. 4).

Если текстологическое и палеографическое исследование древних рукописей Корана способно пролить свет на истинную историю фиксации Священного текста, выявить подлинные этапы решения этой очень непростой для общины проблемы (потребовалось, в частности, разработать грамматические основы арабского языка),

Рис. 4. В. В. Попов, директор Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО (У) МИД РФ, вручает королю Саудовской Аравии золотую копию одной страницы «Корана Усмана» (Эр-Рияд, март 2009 г.)

то изучение истории бытования этих памятников также, как мы попытались показать, может дать в руки исследователей важнейший историко-культурный материал. Дело теперь за изучением других списков «Корана Усмана», и здесь всем нам будет очень не хватать прекрасного ученого, доброго друга и выдающегося организатора науки Серджио Нойи Носеды, не хватать его безграничной эрудиции, блестящего парадоксального ума, его удивительной способности договариваться с президентами и премьер-министрами об исследовательском доступе к рукописным памятникам.

8.2. К новому прочтению и пониманию текста Корана

В начале 2011 г. коллеги из Казахстана и Голландии обратились ко мне с предложением принять участие в проекте по созданию учебно-информационного сайта, посвященного лексике и грамматике Корана. Предлагалось, в частности, взять за образец ресурс «Quranic Arabic Corpus» (an annotated linguistic resource which shows the Arabic

grammar, syntax and morphology for each word in the Holy Quran)¹⁹, переработать его таким образом, чтобы он отвечал целому ряду требований и прежде всего главному — «Коран объясняет сам себя». Такой подход, с одной стороны, позволяет отказаться от значений, навязываемых кораническими толкованиями и созданными в другие эпохи в отличной от аравийской культурно-языковой среде. С другой стороны, он требует проведения контекстного анализа языка Корана в сопоставлении с языком памятников, современных ему, прежде всего с языком предисламской поэзии и поэзии современников Пророка (*мухадрамов*). Предложенный формат полностью совпадал с теми подходами, о важности использования которых я неоднократно писал.

Основываясь на анализе текущего состояния коранистики и перспектив ее развития в ближайшие годы, я сообщил партнерам о том, что громадная и международная по составу участников работа по проведению сравнительного контекстового и диахронного анализа лексико-семантических групп языка Корана на основе сопоставления с языковым материалом эпохи (VI–VII вв.) и обще-семитским лексическим фондом может быть закончена в лучшем случае лет через десять-пятнадцать. Завершение этой работы послужит базой для создания принципиально нового перевода Корана²⁰. Только такая работа может послужить и основой для подлинно научного описания лексико-грамматического строя Корана и создания интернет-ресурса, о котором шла речь.

В ответ я услышал вполне резонные слова о том, что сегодня мы не можем лишь ожидать результатов работы международного коллектива ученых и отказываться от осуществления новых переводов Корана на русский язык и проектов, подобных предложенному.

¹⁹ <http://corpus.quran.com>. Проект реализован под руководством Кайса Дьюкса (Kais Dukes) в рамках работы Исследовательской группы по обработке текстов на естественном языке Университета Лидса (Natural Language Processing Research Group, Leeds University, UK), руководитель — доцент Эрик Атвелл (Erik Atwell).

²⁰ Сегодня очевидно, что новые переводы станут результатом объединенных усилий ученых разных стран. По-видимому, варианты текста на разных языках будут опираться на в значительной степени общую исследовательскую базу и национальные переводческие традиции. Появлению серии этих переводов будет предшествовать создание сводной электронной библиотеки работ по коранистике на разных языках

Каждое поколение заслуживает «свой» перевод Корана. В результате я согласился принять участие в проекте, оговорив те ограничения, которые накладывает на него незавершенность текущих исследований.

Втягиваясь в работу, я все больше осознавал новые возможности, которые появились у нас в самые последние годы, и все больше стал думать о начале работы над русским переводом Корана, реализуемого на новых принципах. Вскоре удалось организовать обсуждение проблемы с участием группы экспертов из России, Германии, Великобритании, Израиля, Голландии и Омана. Результаты обсуждения подтвердили наличие новых источников и исследовательских возможностей. Оказалось, в частности, что М. Б. Пиотровский давно собирает материалы для исследования, посвященного «коранической археологии». Моя ученица А. Ю. Кудрявцева взялась продолжить когда-то начатую мною работу над проблемой отражения материального мира Аравии рубежа VI–VII вв. в тексте Корана. Степень публикации и доступности ряда письменных источников разного рода, археологических памятников и важнейших музейных коллекций оказалась выше, чем я предполагал. Все это ставит сегодня в повестку дня возможность анализа ключевых элементов повседневной жизни оседлых центров Внутренней Аравии рубежа VI–VII вв., которые нашли свое отражение в тексте Корана. Дополняя важнейший принцип нашего подхода — «Коран объясняет сам себя», это дает возможность на новом уровне приблизиться к пониманию текста памятника. Материалы, собранные для монографии, посвященной материальной культуре Корана послужат и важным источником для историко-этнографического комментария к тексту Корана. Сегодня очевидно, что без изучения реалий Аравии времен Пророка вряд ли возможно понимание текста Корана, толкование которого в более поздние века происходило в отрыве от понимания ряда ключевых реалий повседневной жизни *уммы* времен Пророка.

Ситуация серьезно изменилась и с публикацией документированных словарей доисламской и раннеисламской поэзии²¹. В Иерусалиме

²¹ Подробнее о проблеме в целом см. А. Kudriavtseva, E. Rezvan. “Translation of the Qur’an and the ethnography of daily life. *Manuscripta Orientalia* XIX/2, pp. 19–25. См., например, В. А. Lewin. *Vocabulary of the Hudailian Poems* (Göteborg, 1978); Вл. В. Полосин. *Словарь поэтов племени ‘абс* (Москва, 1995).

по существу завершена работа над «Конкордансом древнеарабской поэзии»²², которая продолжалась несколько десятилетий. Это компьютерный индекс и словарь дошедших до нас произведений арабских поэтов от доисламских времен до конца периода Омеййадов, ок. 750 г. н. э. Конкорданс содержит сотни тысяч байтов, систематически собранных из дошедших до нас памятников. Учтены в том числе и цитаты из коранических комментариев и генеалогических работ. Были опубликованы новые специальные работы, посвященные языку Корана²³. Наконец, множество специализированных словарей и редких справочных работ стало доступно в электронном виде, в том числе и в Сети²⁴. Все это самым кардинальным образом повлияло на возможности, связанные с осуществлением научного перевода Корана нового уровня.

В конце апреля 2013 г. в ходе обсуждения проблемы с руководством Лейденского Института рационального монотеизма было достигнуто общее понимание того, что речь идет о проекте по комплексному изучению Корана и созданию его нового комментированного перевода на русский язык.

Выложенный в Сеть²⁵ и постоянно обновляемый проект «Лексико-грамматический строй Корана (учебно-методический корпус)» (версия 1.0 сдана в июле 2013 г.) станет первым этапом этой большой работы, которую предлагается озаглавить «Corpus Coranicum Petropolitana». Он будет последовательно совершенствоваться, отражая создание:

— документированного арабско-русского словаря языка Корана, снабженного отсылками к корпусу древнеарабской поэзии и эпиграфики;

²² A. Azazi, S. Masalha. *Six Early Arab Poets: New Edition and Concordance* (Jerusalem, 1999).

²³ См., например, Martin R. Zammit. *A Comparative Lexical Study of Qur'anic Arabic* (Leiden, 2001).

²⁴ Например: A. Jeffery. *The Foreign Vocabulary of the Qur'an* (Baroda, 1938) (<http://www.answering-islam.org/Books/Jeffery/Vocabulary/part21.htm>); В. Ф. Гирас. *Арабско-русский словарь к Корану и арабской хрестоматии* (Казань, 1881) (<http://www.harf.ru>); *Arabic-English Lexicon by Edward William Lane* (London, 1863) (<http://www.tyndalearchive.com/tabs/lane>).

²⁵ Сетевой адрес проекта будет в самом скором времени доступен на сайте МАЭ РАН.

— исследования, посвященного отражению материального мира Аравии рубежа VI—VII вв. в тексте Корана;

— нового перевода Корана на русский язык, комментарием к которому послужат указанная выше работа по материальной культуре Аравии и моя переработанная монография «Коран и его мир».

Предполагается, что все взаимосвязанные части проекта будут выложены в Сети в свободном доступе. Таким образом, научной общественности и самой широкой читательской аудитории будет впервые представлен *документированный перевод Корана*, прозрачный по структуре и подходам к его реализации.

Важно, что помимо книжной серии современный читатель получит в свое распоряжение гипертекст нового русского перевода Корана, снабженный ссылками, ведущими к подробному лексико-грамматическому и историко-культурному комментарию, основанному на самых последних достижениях коранистики. Было бы замечательно, если бы в проект удалось ввести аналогичным образом организованные отсылки к древнейшим спискам Корана²⁶.

Как явствует из самого названия, «Лексико-грамматический строй Корана (учебно-методический корпус)» имеет заведомо *практический* характер. Именно это обстоятельство обусловило особенности нашего подхода. Анализ близких проектов показал, что работы подобного рода, к сожалению, не обходятся без разного рода опечаток и недочетов. Так, проект Кайса Дьюкса, наиболее профессиональный в интересующей нас области, до сих пор содержит очень значительное число опечаток, несмотря на постоянную работу ста (!) независимых добровольцев-рецензентов²⁷. Ими грешит и прошедший тщательнейшую редподготовку «Англо-рус-

²⁶ За основу здесь можно взять рукопись петербургского «Корана ‘Усмана», см.: Е. А. Резван. «Коран ‘Усмана».

²⁷ См.: K. Dukes, E. Atwell, N. Habash. “Supervised Collaboration for Syntactic Annotation of Quranic Arabic”. *Language Resources and Evaluation Journal (LREJ). Special Issue on Collaboratively Constructed Language Resources* (2013). См.: <http://www.kaisdukes.com/papers/qcorpus-lrej2012.pdf>.

ский словарь коранического словоупотребления», опубликованный авторитетнейшим издательством «Brill» в 2008 г.²⁸. Здесь мы, как и наши английские коллеги, рассчитываем на содействие добровольных помощников.

8.2.1. Важнейшие направления изучения языка Корана

В 1926 г. появилось исследование А. Ламменса «Доисламские святилища в Западной Аравии»²⁹. В нем автор, оставаясь на своей прежней позиции в отношении ислама, который он продолжает считать арабской адаптацией библейского монотеизма, рассматривает собственно аравийский культурный вклад в феномен ислама. С этой целью он применяет новый метод изучения лексики Корана. Особенностью подхода явилось объяснение значений слов и содержания понятий с помощью лишь контекстов Корана, без обращения к комментирующей литературе, которая обычно вводит значения, выработанные в более позднее время более развитым религиозным сознанием. А. Ламменс предпринял попытку вскрыть семантику термина путем его анализа в лексическом окружении³⁰.

Закономерно, что исходная посылка А. Ламменса, заключавшаяся в утверждении заимствованного характера коранической лексики, вступила в противоречие с предлагаемым им методом. Так, для подтверждения своих выводов, которые, кстати, тоже не согласуются с исходной посылкой, он обращается не к анализу внешних источников проникновения в Коран новых слов, а к доисламской поэзии.

²⁸ El-Said M. Badawi, M. A. Abdel Haleem. *Arabic-English Dictionary of Qur'anic Usage* (Leiden, 2008). Мы планируем опубликовать подробную рецензию на это издание. Например, отсутствует корневая основа *х-йа-х* (см.: *хайхам*, 23:36).

²⁹ H. Lammens. "Les sanctuaires préislamiques de l'Arabie occidentale", *Mélanges de l'Université Saint Joseph* (1926), с. 39–173.

³⁰ Собственно, в полном смысле новым этот метод назвать нельзя. Еще А. Шпренгер вслед за представителями одного из направлений средневековой мусульманской экзегетики призывал объяснять Коран посредством самого Корана (A. Sprenger. *Das Leben und die Lehre des Mohammad* (Berlin, 1869), i, с. XVI); в 1922 г. Д. С. Марголиус предпринял попытку выяснить значение термина *халифа*, анализируя его коранические употребления (D. S. Margoliouth. "The Sense of the Title Khalifah", *A Volume of Oriental Studies* (Cambridge, 1922), с. 322–329).

Пути преодоления этого противоречия были намечены в работах К. С. Кашталевой³¹ и Д. Кюнстлингера³², появившихся почти одновременно с исследованием А. Ламменса и независимо друг от друга. К. С. Кашталева в работе «Терминология Корана в новом освещении»³³ обращала внимание на обилие новых понятий, вводимых этим источником, на переосмысление и насыщение новым содержанием старых корней, которое там имеет место. Она призывала видеть за каждым термином явление, должным образом развившееся и отложившееся в этом термине. Таким образом, каждый коранический термин должен иметь свою историю и фиксировать определенную фазу развития того или иного явления³⁴. К. С. Кашталева отмечала, что язык Корана, «являясь сам по себе особым видом источника (курсив наш. — Е. Р.) по истории ислама, нуждается в самостоятельном изучении»³⁵. Предложенный ею подход, основанный на диахронном анализе коранических терминов, позволяет, «с одной стороны <...> проникнуть при помощи исследования текста в сущность скрытого за ним понятия и, проследив жизнь его в тексте, определить эволюцию этого понятия. С другой стороны, фиксируя определенную фазу развития того или иного понятия, терминология может служить одной из наиболее надежных отправных точек для критики коранического текста»³⁶. Эти подходы просто «витали в воздухе»: именно в это время (1929 г.) в Париже М. Блох и Л. Февр основывают знаменитые «Annales», на страницах которых провозглашались во многом близкие идеи. Несколько позднее (конец 1930-х — нача-

³¹ См., например, К. С. Кашталева. «О терминах анба и аслама в Коране», *Доклады Академии наук СССР. Востоковедение* (1926), с. 52–55; И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики* (Москва — Ленинград, 1950), с. 154, 159, 168.

³² Д. Кюнстлигер — автор серии статей по проблеме; см., например: D. Ku

³³ К. С. Кашталева. «Терминология Корана в новом освещении», *Доклады Академии наук СССР. Востоковедение* (1928), с. 7–12.

³⁴ Она же. «К переводу 77 и 78 стиха 22 суры Корана», *Доклады Академии наук СССР. Востоковедение* (1927), с. 7.

³⁵ Там же, с. 12.

³⁶ К. С. Кашталева, «О терминах анба и аслама», с. 53.

ло 1940-х годов) М. Блох писал о том, что в смене терминологии, смысловых мутациях отражаются «потрясения систем социальных ценностей»³⁷, что появление слова — это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде, оно отмечает, что наступил решающий период осознания.

Метод контекстового анализа терминологии Корана позволил К. С. Кашталева установить связь между эволюцией значения ряда коранических терминов и изменением роли Мухаммада, ставшего в мединский период не только духовным вождем, но и политическим лидером³⁸. Ей удалось уточнить перевод ряда «темных мест» в тексте Корана, а также получить важный дополнительный материал для установления хронологии произнесения *сур*. Более того, К. С. Кашталева³⁹ поставила задачу создания новой хронологии сложения текста Корана, основанной на материале контекстового анализа коранической лексики. Ранняя смерть исследовательницы не позволила довести указанную работу до конца⁴⁰.

В дальнейшем в разной степени успешно этим методом пользовалось множество специалистов, среди которых в первую очередь можно назвать Р. Парета⁴¹. Принципиальный шаг в развитии этого метода был сделан М. Бравманом и Т. Изуцу. Если К. С. Кашталева ставила перед собой прежде всего задачи филологического характера, то М. Бравман в своих работах пытается с помощью анализа лексики джахилийской поэзии и Корана

³⁷ M. Bloch, *La société féodale* (Paris, 1968), с. 364.

³⁸ К. С. Кашталева. «О термине *шахида* в Коране», *Доклады Академии наук СССР. Востоковедение* (1927), с. 117–120; она же. «О термине *ханиф* в Коране», *там же* (1928), с. 157–162; она же. «О термине *ата'а* в Коране», *там же* (1926), с. 56–57.

³⁹ Она же. «К вопросу о хронологии 8, 24, 47 сур Корана», *Доклады Академии наук СССР. Востоковедение* (1927), с. 101–107.

⁴⁰ Подробнее о К. С. Кашталева см.: А. Ф. Долинина. *Невольник долга* (Санкт-Петербург, 1994), с. 281–282. Муж К. С. Кашталева тюрколог Н. К. Дмитриев писал И. Ю. Крачковскому «об оставшихся после нее “тетрадах со статьями о камнях и местоимениях [в Коране]”». В одном из писем к учителю она сама упоминает «материал о монограммах в Коране», см.: там же, с. 282. Современное местонахождение этих работ нам не известно.

⁴¹ R. Paret. *Der Koran: Kommentar und Konkordanz* (Stuttgart, 1971).

прийти к пониманию явлений социальной и культурной жизни доисламской и раннеисламской Аравии⁴².

Заслуга Т. Изуцу состоит в том, что он впервые попытался проанализировать не отдельные термины, а их целые тематические группы, связанные с отношением «Бог — человек» и этико-религиозными представлениями в Коране⁴³. В 1980 г., выступая на координационном совещании исламоведов в Ташкенте, П. А. Грязневич обосновал необходимость продолжения контекстового изучения лексики Корана с целью создания надежной источниковедческой основы для всестороннего изучения всего комплекса проблем начальной истории ислама⁴⁴. В качестве предварительного условия адекватного понимания и описания понятийного аппарата Корана им была сформулирована задача изучения племенных диалектов доисламской и раннеисламской Аравии, необходимость создания словарей племенной поэзии.

Представляется, что сегодня метод сравнительного контекстового и диахронного анализа лексико-семантических групп языка Корана на основе сопоставления с языковым материалом эпохи (VI—VII вв.) и общесемитским лексическим фондом является одним из наиболее перспективных подходов к Корану, к пониманию сложнейшего текста, возникшего тогда, когда в Аравии проходил лавинообразный процесс трансформации прежних понятий, имели место значительные сдвиги в семантике традиционной лексики, зафиксировано появление множества новых слов⁴⁵.

Сегодня, однако, целый ряд исследователей высказывает сомнения по поводу путей интерпретации этих материалов и даже самой возможности такого подхода. Более того, в западной науке прошла дискуссия о возможности установить изначальный смысл текста памятника, реконструировать ход мыслей первых слушателей, читателей. Речь

⁴² М. М. Bravmann. *The Spiritual Background of Early Islam* (Leiden, 1972).

⁴³ Т. Izutsu. *God and Man in the Koran* (Tokyo, 1964); ср.: J. Bouman, *Gott und Mensch im Koran* (Darmstadt, 1977); см. также: Т. Izutsu. *Ethico-Religious Concepts in the Qur'an* (Montreal, 1966).

⁴⁴ П. А. Грязневич. «Происхождение ислама», *Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки* (Москва — Ташкент, 1980), с. 457.

⁴⁵ Он же. «Развитие исторического сознания арабов (VI—VIII вв.)», *Очерки истории арабской культуры V—XV вв.* (Москва, 1982), с. 75—155.

в этих дискуссиях шла не столько о Коране, сколько о текстах древних и средневековых исторических источников как таковых. Главным критическим доводом является то, что все исторические реконструкции заведомо релятивны и произвольны, что ученый, живущий в XX в., никогда не сможет разделить мироощущение, например, жителя Мекки VII в. н. э.⁴⁶ Таким образом, серьезному сомнению подвергается сама возможность проведения контекстового анализа лексики Корана с целью получения выводов историко-культурного характера.

Между тем применение современных методологических подходов к анализу нарративных источников убедительно показало, что воплощенные в языке знаковые системы, символы и ритуалы, зафиксированные текстами и зашифрованные документами самого разного рода, образуют объективные, независимые от оценочных суждений связи, которые исследователь, заставляющий прошлое «проговориться», может вскрыть «напрямую», прикоснувшись к «коллективному бессознательному». Более тридцати лет назад М. Бахтин писал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных).

⁴⁶ Н. R. Jauss. “Literary History as a Challenge to Literary Theory”, *New Literary History* (Baltimore, 1970), ii, с. 7–37; A. Rippin. “The Qur’an as Literature: Perils, Pitfalls and Prospects”, *British Society of Middle Eastern Studies Bulletin* (London, 1983), с. 10; W. C. Smith. “The True Meaning of Scripture: an Empirical Historian’s Nonreductionists Interpretation of the Qur’an”, *International Journal of Middle Eastern Studies* XI (1980), с. 487–505; см. также: *Reader-Response Criticism: From Formalism to Post-Structuralism*, ed. J. P. Tompkins (Baltimore, 1980). По существу эта позиция восходит к идеям неокантианцев о специфичности образования исторических категорий, к теории «идеальных типов» и «исследовательских утопий» Макса Вебера, к идеям Кроче и Хейзинги об историческом познании как особом роде самосознания цивилизации, к которой принадлежит историк, и особенно к позиции Шпенглера, постулировавшего принципиальную невозможность познания историком иных культур, кроме своей собственной. В XX в. этих идей наиболее последовательно придерживались такие американские историки, как Ч. Бирд и К. Беккер, англичанин Р. Коллингвуд и ряд других. Подробную критику такого подхода см.: А. Ю. Гуревич. «М. Блок и “Апология истории”», *Апология истории, или Ремесло историка* (Москва, 1986), с. 188–194.

При такой *диалогической* (курсив мой. — Е. Р.) встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и *открытую целостность*, но они взаимно обогащаются»⁴⁷.

Совершенно особые возможности для исследователя представляет уникальный характер фиксации Корана, являющегося дословной записью откровений, живой речи Пророка.

Лучшим ответом на вопрос, возможно ли воссоздание «реального мира» при помощи анализа терминологии Корана, станут дальнейшие конкретные исследования языка Корана в его соотносительности с языком современных ему памятников. Это позволит вплотную подойти к исследованию процессов, приведших к возникновению Корана *внутри* аравийской культурной традиции, позволит проследить процесс сложения одного из важнейших аспектов новой идеологии — представления о Священном писании, *ниспосланном в Аравии и на арабском языке*, адекватно истолковать принципиальные особенности коранических проповедей, во многом определивших характер дальнейшего развития мусульманской идеологии.

Примером такого исследования ряда лексико-семантических групп языка Корана может послужить работа, сделанная нами в конце 1980-х — начале 1990-х годов и выявившая у группы коранических терминов, обозначающих человека и людей, функциональное значение, *подчеркивавшее одну из взаимосвязей описываемого понятия с окружающим миром, одно из качеств обозначаемого предмета или явления*.

В русском языке классификация таких понятий, как «семья», «род», «племя», «народ», основывается в первую очередь на идее размера и включенности одного в другое: «семья» входит в «род», «род» входит в «племя», «племя» входит в «народ»... Мы отчетливо понимаем и другие отличия (например, то, что внутрисемейная солидарность много сильнее солидарности «внутринародной»), но важнейшим для нас является именно величина общности людей.

В языке Корана дело обстоит совсем не так. Например, термин *нафар* употреблялся тогда, когда этносоциальный коллектив

⁴⁷ М. М. Бахтин. *Эстетика словесного творчества* (Москва, 1979), с. 355. См. также: И. М. Дьяконов. «Язык как источник по истории древневосточной культуры», *Вопросы древневосточной культуры* (Даугавпилс, 1982), с. 18.

рассматривался с точки зрения числа его членов-мужчин, а термин *ал* — тогда, когда говоривший хотел подчеркнуть генеалогический, диахронный аспект существования этносоциального коллектива. Употребление терминов *рахт* и *фасила* связано с обозначением функций этносоциального коллектива по защите своих членов. В основе значения термина *хулата* лежит представление о совместном имуществе, сотрудничестве в производственной сфере.

Термин *ша'б* употреблялся для обозначения этносоциальных коллективов оседлых жителей. Употребление термина *кабила* было связано с обозначением этносоциальных коллективов, ведущих кочевой образ жизни и входивших в племенной союз или этнополитическое объединение. Термин *джибилл* (*джибилла*), как мы видели, употреблялся для обозначения «древних народов» Аравии, а термин *сибт* — только для обозначения иудейских племен-«колен».

Анализ коранического материала дает еще один убедительный аргумент против попыток привести к жесткому и статичному взаимоднозначному соответствию богатую и противоречивую родоплеменную номенклатуру арабского мира, часть которой была переосмыслена первоначальным исламом для обозначения широкой идейно-политической общности единоверцев.

Функциональные значения, одна из особенностей которых была продемонстрирована выше, засвидетельствованы не только у терминов, обозначающих человеческие коллективы.

Аналогичная ситуация имеет место и в других лексических группах языка дошедших до нас памятников доисламской словесности. Так, существовало множество терминов для обозначения жилища в зависимости от материала, из которого оно было сделано (из земли, из овечьей, верблюжьей шерсти, из дерева, из камня)⁴⁸. Для обозначения возраста человека и животного также употреблялось множество слов, причем «сам термин, которым называли особь, содержал указание на возраст, точнее, на известный момент в ее биологическом развитии. Таким же образом указывалось и время суток, особенно периоды светового дня»⁴⁹.

Отмеченная дробность коранической лексики связана с функциональностью значений слов, характерной и для языка доисламской

⁴⁸ В. М. Белкин. *Арабская лексикология* (Москва, 1975), с. 40.

⁴⁹ П. А. Грязневич. «Развитие», с. 108.

поэзии, каждое слово «описывает» лишь одну из сторон обозначаемого объекта, лишь одну из его взаимосвязей.

Существование множества слов для обозначения предмета или явления в каждой его функции и проявлении связано с конкретностью мышления носителей языка. Такая особенность лексического строя характерна для языка многих древних народов. В этом находит свое отражение господство в мышлении и лексической системе так называемого принципа дополнительности⁵⁰, когда цельность восприятия достигается многоаспектностью описания.

Представляется, что метод, предложенный более полувека назад Кашталевой и Кюнстлингером, дает нам уникальную возможность «заставить» прошлое рассказать нам о том, что оно не создавало или не собиралось высказывать. Он позволяет воссоздать фрагменты сложной и столь непохожей на нашу картины мира, выявить систему связей и неожиданных для нас пересечений в развитии понятий, характерные особенности религиозной психологии Мухаммада, связанные с представлениями родового общества, которые сохранялись в его сознании, влияние этих представлений на становление религиозной терминологии Корана. Такой анализ позволяет восстановить фрагменты сложнейшей мозаики, воспроизводящей действительность так, как ее видели Мухаммад и вместе и *вслед за ним* его современники.

8.2.2. Коран и материальная культура Аравии рубежа VI–VII вв.

Необъятная научная литература, посвященная истории возникновения ислама и личности Мухаммада, фактически обходит стороной историю повседневной жизни Аравии рубежа VI–VII вв. В небольшой степени эту лауну закрывает работа немецкого исследователя Георга Якоба «Жизнь бедуинов древней Аравии»⁵¹, опубликованная в 1897 г. В ней автор на основе анализа поэзии *мухадрамов* — современников Пророка — попытался дать общий обзор материальной культуры кочевого и оседлого населения Аравии. По не вполне по-

⁵⁰ В. В. Иванов. «До — во время — после? (вместо послесловия)», Х. Франкфорт, Х. А. Франкфорт, Дж. А. Вильсон, Т. Якобсен, *В преддверии философии* (Москва, 1984), с. 7–8.

⁵¹ G. Jacob. *Altarabisches Beduinenleben nach den Quellen geschildert* (Berlin, 1897).

нятным причинам хорошо документированное исследование Якоба так и не вошло в широкий научный оборот, но спустя пятьдесят лет послужило одной из основ диссертационного исследования Элеонор Хойптнер, ученицы знаменитого немецкого арабиста, исследователя и переводчика Корана Руди Парета⁵². Однако и ее интересная работа под названием «Сведения Корана о материальной культуре древних арабов» так и не была опубликована. Вслед за Г. Якобом исследовательница привлекла к анализу современную Пророку поэзию, его жизнеописание, составленное Ибн Исхаком / Ибн Хишамом⁵³, сборник наиболее авторитетных *хадисов*, принадлежащих ал-Бухари⁵⁴.

К исследованию материальной культуры жителей Аравии рубежа VI–VII вв. в той или иной степени косвенно обращались также специалисты, изучавшие внешние, прежде всего языковые, влияния на культуру Древней Аравии. К их числу относится С. Френкель, А. Джеффри, А. Мингана⁵⁵. Благодаря значительным научным усилиям, связанным с изучением ранней истории текста Корана и его древнейших рукописей, область, связанная с грамотностью и культурой письма, оказалась документированной значительно лучше других.

Э. Хойптнер выявляет связь между ссылками на материальную культуру, содержащимися в Коране (при этом ее внимание сосредоточено не на терминах, а скорее на общих категориях, к которым они относятся), и сведениями о доисламской арабской культуре, подчеркнутыми из поэзии, *хадисов* и жизнеописаний.

Достаточно неожиданно, впрочем, то, что в теоретическом обосновании работы Хойптнер отсутствуют указания на исследования по истории повседневности. Хойптнер писала свое диссертационное исследование тогда, когда историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком и известное как школа «Анналов» (фр. *École des Annales*), находилось на пике популярности.

⁵² E. Hauptner. *Koranische Hinweise auf die materielle Kultur der alten Araber*. Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades einer Hohen Philosophischen Fakultät der Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen (1966).

⁵³ В России работа по переводу и изучению этого памятника, прерванная смертью Владимира Полосина, продолжена сегодня академиком А. Б. Куделиным.

⁵⁴ Привлечение хадисного материала серьезно облегчается наличием современных баз данных. Одну из лучших в 2000 г. выпустил в свет «Thesaurus Islamic Foundation».

⁵⁵ См.: Е. А. Резван. *Коран и его мир* (Санкт-Петербург, 2001), с. 56–57.

В настоящее время феномен повседневности является объектом пристального внимания со стороны представителей целого комплекса научных дисциплин. Для истории повседневности большой интерес представляет выявление как объективной, так и субъективной сфер бытия человека. Повседневная жизнь определяет *поступки обычных людей, влияющие в своей совокупности на ход истории*. В процессе эволюции повседневности возможно проследить развитие человеческой цивилизации в целом. Именно в «структурах повседневности» формировались ценности человека конкретного исторического периода. Исследования последних десятилетий убедительно показали, что, только обращаясь к единичному, случайному, частному в их сопряженности с закономерным, возможно приблизиться к постижению взаимосвязи между индивидуальным опытом и коллективной идентичностью. Сегодня повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать. Повседневная жизнь, проявляющаяся в деталях одежды, формах общения и др., — это система знаков, понимание которых приводит к осознанию неразрывной связи глобальных явлений с повседневными.

Повседневность многолика и многогранна, она не сводима лишь к будничности и рутинности. Повседневность включает в себя все сферы человеческих отношений: практическую деятельность — трудовую и досуговую, нормальное и экстремальное. Повседневность характеризуется повторяемостью, но вместе с тем это процесс постоянного творчества, *определяющего будущее*. Подробности быта, образа жизни формируют устойчивую типологическую определенность, раскрывают подлинную сущность общества как такового. Особенность повседневности заключается в том, что она является самоценным настоящим, ориентированным на ближайшее прошлое и будущее. Языки повседневности скрывают множество знаковых смыслов и зависят от различных объективных обстоятельств и закономерностей в развитии общества. Сегодня *a priori* ясно, что, не зная этнографии повседневности Внутренней Аравии, не привлекая к пониманию текста данные современной археологии, говорить о научном подходе к переводу Корана бессмысленно. При этом нужно признать, что значительный объем материалов

самого разного свойства, в той или иной степени связанных с повседневной жизнью Аравии времен Пророка, до сих пор не систематизирован и не исследован комплексно.

Мир Корана — это прежде всего мир горожанина-купца. При этом мир горожанина и мир кочевника были переплетены тысячами крепчайших нитей: мекканских детей, как и самого Пророка, отправляли расти к родственникам в «здоровую пустыню», на «парное молоко и свежий воздух». Участие в торговых караванах, их организация требовали знаний, связанных с кочевым миром, и горожане-мекканцы этими знаниями владели с детства, считали их своими. Это, впрочем, не отменяет и существования стандартного антагонизма по линии «кочевые — оседлые», проявления которого мы встречаем в Коране в самых разных формах. Несомненно и то, что материальная культура, связанная с жизнью мекканского купечества, серьезно отличалась от материальной культуры кочевников. При этом вариантов кочевого образа жизни всегда существовало великое множество, не меньше чем степеней оседлости⁵⁶.

Чтобы добиться признания на юге Аравии, в Сирии или Персии в качестве равноправных партнеров, мекканцы должны были по мере возможности стремиться к уровню культуры своих контрагентов. В Коране часто встречаются понятия, берущие начало в материальной культуре соседних стран. В основном эти понятия были заимствованы в доисламские времена в неизменном виде или арабизировались, утратив свою исходную форму еще до времени Мухаммада. Язык купцов-мекканцев, несомненно, включал значительно больший объем лексических единиц, описывающих предметы роскоши и явления усовершенствованной материальной культуры, чем язык бедуинов или же жителей оазисов, зарабатывавших на жизнь производством сельскохозяйственной продукции. Тем не менее довольно сложным представляется ответ на вопрос о том, насколько были распространены в Мекке упомянутые в Коране привозные предметы роскоши (ценные шелковые ткани и парча, ковры, дорогая посуда, привозные вина, оружие и проч.), часто используемые в описании райских блаженств.

⁵⁶ А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.* (Москва, 1961).

Изумление чудом творения мира и людей, благодарность Господу — всемогущему и милостивому Создателю, даровавшему людям свою милость, занимают в Коране одно из центральных мест. Всюду в природе людям явлены знаки божественных деяний и благодати. Все, что приводится в Коране как доказательство милости Господа, создано на пользу и радость людям (6:98; 16:15). Материальная культура выступает как часть замысла Творца, и ей отведена особая роль. Именно через материальную культуру отчетливо выражается антропоцентризм божественного созидания. Господь сотворил животных, чтобы человек получал питание, одежду и жилище (палатки из кожи и шерсти) (16:5; 16:82). Животные позволяют ему перевозить грузы и вести торговлю на значительных расстояниях (16:7). В море человек может перемещаться на кораблях и пользоваться изобилием его глубин, занимаясь рыболовством и добычей жемчуга (16:14). Недра земли по Божественному промыслу предоставляют человеку свои богатства для изготовления оружия и украшений (57:25). Деревья плодоносят (2:20) и являются источником топлива (36:80)...

Текст Корана демонстрирует глубокое знание и вовлеченность в жизнь кочевников-скотоводов. При этом во многих случаях лексика, связанная с кочевым бытом, имеет отрицательные коннотации. Грешников однажды приведут к адскому огню, подобно тому, как бедуины ведут скот к воде: «Он (Фир'аун) придет во главе своего народа в день воскресения и ответит их на водопой к огню. Скверен водопой, к которому ведут!» (11:100, см. также 19:89; 21:98).

Напоить скот — обязанность весьма трудоемкая. Вода, добываемая из колодца, наполняет корыта или питьевые канавы очень медленно, измученные жаждой животные начинают терять терпение. Они наускаивают друг на друга, кусаются, опрокидывают корыта, загрязняют воду... Именно этот образ лежит в основе описания участи грешников в аду, которые будут «пить, как пьют истомленные жаждой» (*ва шарибунa шурба-л-хими*) (56:55). Это *хим* — неистовая, неистребимая жажда, от которой животные погибают в мучительной агонии. Она возникает в том числе и вследствие того, что животные пили застойную воду.

У каждого племени есть собственное тавро (*васм*), которым метится принадлежащий ему скот. Раскаленное железо прикладывается к бедру, щеке, шее или уху лежащего на земле и связанного живот-

ного. Клеймо углубляется повторным дожиганием. Коран угрожает этим в высшей степени болезненным наказанием за клеветнические слова в адрес Пророка: «Заклеймим Мы его морду» (68:16).

Животных метят и с помощью надреза в ухе (*заним*). В языческой древности подобным образом помечались только особо ценные особи, жертвенные верблюды и священные стадные животные. Иблис, искушая людей, напоминал им языческие обычаи: «И прикажу им, и пусть они будут обрезать уши у скота, и прикажу им, и пусть они будут изменять творение Аллаха!» (4:118).

Отрицательные коннотации использования лексики, связанной с кочевым бытом, вновь встречаются в *айатах* 9:34—35: «А те, которые собирают золото и серебро и не расходуют его на пути Аллаха, — обрадуй их мучительным наказанием в тот день, когда в огне геенны будет это разожжено и будут заклеены этим их лбы, и бока, и хребты!»

Чесоточных верблюдов обмазывают горячим жидким дегтем (*китран / катиран*). Они безобразны на вид и отвратительно пахнут (ср.: грешники в Коране стоят в оковах, «одеяние их из смолы, лица их покрывает огонь», 14:51). В носу самых упрямых животных выжигается / прокалывается отверстие, куда вставляется повод (*фаракат анфу-л-ба'ир*). Возможно, когда в Коране говорится об изуродованных лицах грешников, то имеется в виду именно такая процедура: «И лица в тот день мрачные — можно подумать, что сделаны в них отверстия (*йуф'алу биха факиратун*)» (75:24—25).

Важно отметить, что *айаты*, связанные с описанием подобного рода процедур, традиционно вызывали затруднения, порождая зачастую самые невероятные переводы. Незнание и непонимание реалий бедуинского быта характерно и для абсолютного большинства авторов толкований Корана, принадлежавших уже к другой культуре.

Развивая отрицательный набор образов, связанных с кочевым бытом, Коран сравнивает адское пламя, поглощающее нечестивцев, с палаточным полотном или с палаткой из хлопка (*сарадик*): «Мы подготовили несправедливым огонь, навес которого окружит их» (18:29).

Простому бедуинскому быту противостоит представление об идеальном образе жизни, связанном в первую очередь с предметами роскоши, которые по большей части обозначаются словами,

заимствованными из среднеперсидского и арамейского⁵⁷, и отражают реалии, характерные преимущественно для дворов арабских княжеств, вассальных Сасанидам. Райские блаженства живописуются с помощью предметов, безусловно, известных жителям купеческой Мекки (иначе бы слушатели Пророка просто не поняли, о чем речь). Изменение «качества жизни» основано на обилии предметов роскоши, интенсивности удовольствий: (88:12–16): «Там источник проточный, там ложа возвышающиеся, и чаши поставленные, и подушки, рядами разложенные, и ковры разостланные».

Здесь *куб* — «чаша», раннее заимствование из арамейского, *нумру* — «небольшая подушка», раннее заимствование из древнеперсидского (*намра* = «мягкий»), *зарбиййа* — «ковер», заимствование из персидского (*зир-е па*, перс. = «под ногой»).

Имеются смутные указания на то, что термин *зарбиййа* обозначал собственно ковры, произведенные в ал-Хире на нижнем Евфрате (ныне территория Ирака), столице арабской династии Лакмидов, правивших на северо-востоке Аравии в 308–602 гг.⁵⁸ Судя по тому, что в поэзии это слово использовалось для обозначения растений, меняющих цвет с зеленого на желтый или красный, эти ковры были многоцветными⁵⁹. Княжество служило буфером между Сасанидским Ираном и Внутренней Аравией. С ал-Хирой связывают освоение арабами множества культурных достижений. Сарджант указывает, что в средние века термин *зарбиййа* употреблялся для обозначения ковров армяно-каспийской группы⁶⁰. Таким образом, можно предположить, что речь идет об одном из типов ковров, производившихся в северо-восточных прикаспийских областях государства Сасанидов (где-то в треугольнике между озерами Се-

⁵⁷ См.: G. Widengren. "Iranian Influence in Qur'anic Vocabulary", *Muhammad Apostle of God and His Ascension* (Uppsala, 1955), с. 178–198.

⁵⁸ См. соответствующую словарную статью в *Arabic-English Lexicon by Edward William Lane* (London, 1863).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: R. V. Serjeant, *Islamic Textiles: Material for a History up to the Mongol Conquest* (Beirut, 1972), с. 60 со ссылкой на поэтическую антологию X в. *Китаб ал-агани*, составленную Абу-л Фараджем ал-Исфахани (*Китаб ал-агани ли-л-Имам Аби ал-Фарадж ал-Исфахани* (Каир, 1289/1868), vi, с. 181). Я благодарен Е. Г. Царевой за развернутую консультацию по проблеме.

ван, Ван и Урмия), производство которых было освоено в ал-Хире (последняя для купцов из Внутренней Аравии могла быть и просто местом их приобретения). Судя по кораническому словоупотреблению ковры этого типа были дороги, и для современников Пророка, безусловно, представляли предмет роскоши.

Коран дает нам серию терминов для обозначения ковров. Помимо *зарбиййа* это *фираш*, *бисат* 'абкари. Сюда же можно отнести и термин *истибрак* (перс.), понимаемый как толстая шелковая материя, затканная золотом, род парчи (55:54)⁶¹. Стандартным образом мы переводим каждый из них словом «ковер», в то время как для жителей Мекки каждый термин должен был обозначать отдельный предмет, иначе не было бы самостоятельных слов для их обозначения.

Зафиксированы два термина для обозначения подушек, которые окружают праведников в раю: *рафраф* — «большие подушки-лежанки» (55:76) и *намарик* — «маленькие подушки» (88:15). Упомянуты *фуруш* — «кровати-тюфяки» (55:54; 56:34). Праведники в раю одеты в драгоценные шелка (76:11).

Неожиданно широка номенклатура райских сосудов. Серии коранических лексем связаны исключительно с определенным контекстом: *ка'с*, *акваб*, *абарик*, *каварир*, *аниййа*. В большинстве своем они заимствованы, различны по происхождению, относятся к разным типам драгоценной утвари и встречаются *только* в описаниях райских удовольствий.

Контексты показывают, что:

- *каварир* (ед. *карура*) — сосуды из стекла, бутылки, описываются как серебряные, может быть, сияют как серебро (76:15–16);
- *акваб* (ед. *куб*) — «кубки» (43:71, золотые, 76:15 — серебряные, 56:18 — в них вино, которое не опьяняет; 88:14);
- *аниййа* (ед. *ина'*) — «сосуды из серебра» (76:15);
- *сихаф* (*сахифа*) — «золотые блюда» (43:71);
- *абарик* (ед. *ибрик*) — «кувшин» (56:18);
- *ка'с* — «винная чаша» (56:18).

В рассказе о Йусуфе (и только там, 12:72) упомянут *сува'* *ал-малик* (ед. *са'а*, *йасу'у*) — «царская чаша», «чаша для питья». Там же (12:70) упоминается и *сикайя* «чаша для питья». Иосиф

⁶¹ См. соответствующую словарную статью в: A. Jeffery. The Foreign Vocabulary.

кладет чашку в чересседельную сумку младшего из братьев. В другом случае (9:19), в контексте, связанном с паломничеством, это, скорее, род фляги. Эти сосуды связаны, по-видимому, не с Персией, а с Сиро-Палестинским регионом.

Важно, что образцы практически современной Корану и упомянутой в его тексте драгоценной утвари, названия которой по большей части были заимствованы арабиянами, дошли до нас и хранятся сегодня в крупнейших музейных и частных коллекциях.

Общераспространенным и доступным опьяняющим напитком в доисламской Аравии был *набиз* — ферментативный напиток, который могли производить из ячменя (*мизр*), полбы или меда (*бит'*) или фиников (*фадих*). В Коране упомянуты *сакар* — опьяняющий напиток из «плодов пальм и лоз» (16:66–69; 4:43). Собственно виноградное вино *хамр*⁶², которое завозилось из Сирии и Ирака, было также прекрасно известно, о чем свидетельствует, в частности, доисламская поэзия. Обитатели рая наслаждаются реками вина (47:15). Особо ценился *рахик* — «выдержанное, крепкое, превосходное вино» (83:25, термин, пришедший в арабский через посредство сирийского, арамейского и пехлеви⁶³, иносказательно — божественный кубок с питьем из чистого источника, которое не опьяняет, 37:45; 56:18–19).

В холодную родниковую воду, которой утоляли жажду и разбавляли вино, добавляли камфару (*кафур*, 76:5). Последнюю могли получать из базилика, польни, розмарина. Другим ингредиентом, облагораживавшим питьевую воду, был имбирь (*занджабил*, 37:45; 56:18; 52:23; 76:5, 17; 78:34), который обладает противовоспалительными свойствами для ротовой полости и горла⁶⁴. Считалось также, что регулярное употребление имбиря повышает либидо, особенно у женщин⁶⁵.

Коран свидетельствует, что жители Мекки отчетливо представляли себе, как выглядят роскошные дворцы правителей сосед-

⁶² Возможно, само слово происходит от сиро-арамейского *хамра*.

⁶³ От сир. ܚܘܒܝܢܐ = араб. ܚܘܒܝܢܐ «отдаленный», «далекий», через пехлев. 𐭮𐭲𐭮 «старый», «древний».

⁶⁴ В русской кухне имбирь добавляли в сбитень, квас, наливки, настойки, брагу, мед.

⁶⁵ Известно, что госпожа Дюбарри, фаворитка короля Людовика XV, поила отваром из имбиря всех своих любовников, в том числе и короля.

них государств. Согласно *айатам* 43:33–35, Аллах воздержался от создания для жителей Внутренней Аравии дворцов с серебряными крышами (*сукуф*), роскошными лестницами (*ма'аридж*), резными дверями (*абваб*), уставленных драгоценными ложами (*сурур*) и украшенных цветными мозаиками (*зухруф*), чтобы люди не стали слишком привязаны к этому миру и не оказались неверующими. Пройдет не так уж много времени, и подобные дворцы будут воздвигнуты на границе пустыни Омеййадскими халифами.

Возвращаясь к приведенным выше *айатам*, живописующим «быт» обитателей рая, отметим, что образы, подобные представленным в нем, можно найти, например, на предметах сасанидской торевтики. Сюжеты последней часто связаны с образом жизни высшей сасанидской знати. Таково, в частности, «блюдо серебряное — царь на тахте среди музыкантов и слуг»⁶⁶ из собрания Государственного Эрмитажа: «Сидящего на тахте царя улаживают два музыканта и обслуживают двое слуг. С тахты на четырех ножках в виде балясин свешивается ковер. Стопкой лежат три подушки в узорчатых чехлах. Царь сидит, скрестив ноги: в одной руке он держит чашу, в другой — цветок <...> Длинный узорчатый кафтан с вышивкой внизу <...> пояс с бляшками, широкие шаровары, мягкая обувь с завязками. По направлению к царю летит крылатый “гений” <...> Слева сидят, скрестив ноги, два музыканта флейтист и арфист-певец. На голове у них повязки, что говорит об их высоком положении, подпоясанные узорчатые кафтаны и штаны, высокие сапоги. Двое слуг стоят в позе почтения, скрестив руки на груди и с завязанными ртами, длинные кафтаны с разрезами внизу, штаны широкие, закрывающие частично ступню. Изображенный в нижнем сегменте слуга стоит около кувшина типично сасанидской формы; рядом висящее на трех бамбуковых палках сито, из которого стекает вино в амфору, правее — кувшинчик характерной сасанидской формы. Перед тахтой лежат грудой ветки»⁶⁷ (рис. 5).

⁶⁶ Блюдо круглое, с утолщенным верхним краем, на кольцевой ножке, Государственный Эрмитаж, инв. № S-47, диаметр 23,2 см; вес 959,5 г.

⁶⁷ К. В. Тревер, В. Г. Луконин. *Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков* (Москва, 1987), № 16, с. 111–112.

Рис. 5. Блюдо серебряное — царь на тахте среди музыкантов и слуг. Иран, начало VIII в. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Совпадение образов коранического рая с образами, представленными Сасанидской торевтикой⁶⁸, так же как и серия профильных лексических заимствований из среднеперсидского и арамейского, о которой говорилось выше, еще раз указывают на Персию, а точнее — на зависимые от Сасанидского Ирана пограничные арабийские княжества в качестве источника как предметов, так и представлений о предметах роскоши, бытовавших в Мекке времен Пророка и нашедших свое отражение в кораническом описании рая.

Необходимо подчеркнуть, что, говоря об отрицательной или положительной коннотации образов и предметов соответственно кочевого и оседлого быта, мы говорим лишь о тенденции. Коран много

⁶⁸ См. также S-43 из собрания Государственного Эрмитажа. Там же, № 15, с. 111.

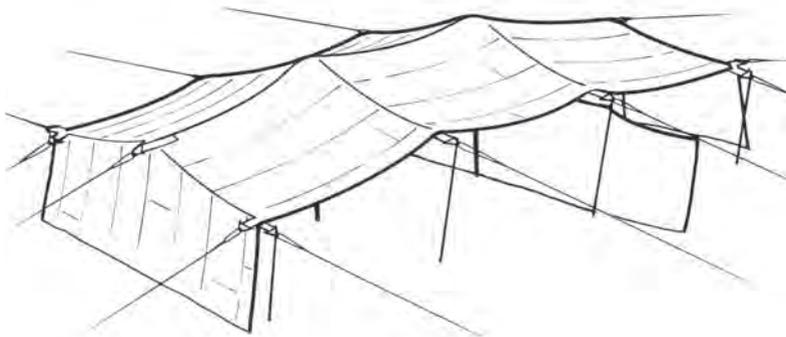

Рис. 6 а, в. Традиционная бедуинская палатка.

сложнее любых схем. Здесь важно еще раз подчеркнуть: в Аравии рубежа VI—VII вв. мир горожанина и мир кочевника были переплетены тысячью крепчайших нитей.

В Коране, как и в Ветхом Завете, модель мироустройства легко соотносится с реалиями кочевого быта. К основным составляющим частям палатки относятся колышки *автад* и жердь *'амад* (рис. 6 а, в). В Коране они упоминаются в связи с сотворением неба, которое кочевник представляет себе как высоко поднятую над землей палатку: «Он сотворил небеса без опоры (*'амад*), которую бы вы видели, и бросил на землю прочно стоящие, чтобы она не колебалась

Рис. 7. Женщины-бедуинки совместно ткнут подстилку для традиционной палатки.

с вами...» (31:10), «Разве Мы не сделали землю подстилкой (*михад*) и горы — опорами (*автад*)?» (78:6—7; ср. 13:2)⁶⁹ (рис. 7). Этот образ становится очень конкретным и осязаемым, если мы вспомним, как выглядит традиционная палатка бедуинов Аравии.

Рассказывают, что однажды к выдающемуся суфийскому учителю Абу Йазиду ал-Бистами (ум. 874) привели нового ученика. Ал-Бистами велел показать ему комнаты обители. Вновь прибывшему вручили горящий светильник, до краев наполненный маслом. Напутствуя его, ал-Бистами сказал: «Ступай и постарайся не разлить масло». По возвращении ученик гордо заявил, что не разлил ни капли. Ал-Бистами спросил: «Теперь расскажи мне, что ты видел? Что тебе понравилось больше всего?» Ученик сконфузился. Нас всех сегодня захлестывает грохочущий информационный поток, сметающий все на своем пути. Главной задачей автора этой книги была необходимость расставить вешки, обозначающие места, где нога путника не провалится в болото. Остальное — за читателем.

⁶⁹ Ср.: Пс. 103:2: «Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер».

Вопросы для самоконтроля

Когда были выведены из оборота древнейшие списки Корана?

Что верно?

1. При халифе 'Усмани.
2. На рубеже VIII–IX вв.
3. В X в.
4. В XIII в при мамлюкском султани Байбарсе.

В чем заключается основная проблема изучения истории текста Корана?

Что верно?

1. В недостаточном привлечении мусульманской экзегетики.
2. В увлечении данными мусульманской традиции.
3. В отрыве изучения мусульманской традиции от описания и изучения собственно рукописей Корана.
4. В отказе от использования мусульманского предания.

История «Самаркандского куфического Корана» связана с:

Что верно?

1. С основателем Гранадского королевства Ибн ал-Ахмаром.
2. С суфийским братством 'ишкиййа и шайбанидами.
3. С Северным Йеменом и работами группы немецких ученых.
4. С египетским султаном Байбарсом и золотоордынским ханом Берке.